ЭВОЛЮЦИЯ СЕМЬИ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-11.dzqg-qt56

Н. Ю. Егорова

ФОРМЫ СУПРУЖЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СРАВНЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК

В рамках эволюционного подхода рассматриваются изменения в сфере семейно-брачных отношений, в том числе в России. Многообразие форм супружества в данном контексте становится элементом современной семейной системы и является результатом трансформационных процессов институтов семьи и брака. Возможные варианты супружества раскрываются через призму такого явления, как партнерство, дифференцированного с использованием критериев очередности отношений, наличия регистрации, локализации партнеров, их пола. На основании данных демографической статистики и *Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ* (*RLMS-HSE*) выделяются наиболее распространенные типы супружеств: сожительство (добрачное/повторное), брак (первый/повторный), сопоставляются социально-демографические показатели представителей указанных семейных групп. Для сравнения, помимо основных параметров (возраст, образование, экономическое положение, занятость, профессиональный статус), используются дополнительные (количество детей, продолжительность отношений). С помощью дискриминантного анализа выявляются факторы, определяющие принадлежность индивида к той или иной семейной группе.

Ключевые слова: эволюция семьи, супружество, партнерство, брак, сожительство, социально-демографические характеристики супругов/партнеров.

Egorova Nadezhda Yu.

FORMS OF MARRIAGE IN CONTEMPORARY RUSSIA: COMPARISION OF SOCIO-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS

Within the framework of the evolutionary approach, changes in family relations, including in Russia, are being considered. The diversity of forms of marriage in this

context becomes an element of the modern family system and is the result of the transformational processes of the institutions of family and marriage.. Possible variants of marriage are described using the term “partnership”, differentiated by the criteria of availability of previous relationships, registration, localization of partners, their gender. Based on the data of the Russian Monitoring of the Economic Situation and Health of the Population of the Higher School of Economics (RLMS-HSE), the most common types of marriages are distinguished: cohabitation (first/repeated), marriage (first/remarriage), socio-demographic indicators of representatives of these family groups are compared. For comparison, besides the basic indicators (age, education level, income, employment, professional status), additional (number of children, duration of residence) are used. Discriminant analysis reveals the factors that determine the individual's belonging to a particular family group.

Keywords: family evolution, marriage, partnership, cohabitation, socio-demographic characteristics of spouses/partners.

Данные демографической статистики и результаты социологических исследований делают все более заметными изменения в сфере семьи и брака. Они фиксируют наличие серьезных трансформационных процессов, затрагивающих все семейные подсистемы (супружескую, родительско-детскую, родственную), о которых отечественные социологи и демографы начали говорить уже во второй половине прошлого столетия (Харчев 1979; Голофаст 2006; Голод 1995; Антонов 1999; Волков 1999; Гурко 1995). Несмотря на восприятие некоторыми исследователями (Антонов 2014) кризисных явлений в рамках институтов семьи и брака как временных, обусловленных в том числе недостаточным вниманием общества и государства к проблемам семьи, тенденции и сегодня остаются неизменными. Снижение на протяжении ряда десятилетий показателей рождаемости, брачности, рост разводимости (Егорова, Курамшев 2008) скорее говорят об устойчивости направлений изменений, обусловливая необходимость глубокого анализа траекторий разнообразных процессов, происходящих в субинститутах брака, родительства, родства.

Динамика демографических показателей, с точки зрения сторонников трансформации семьи, — следствие необратимых эволюционных сдвигов внутри самого института. Являясь показателем и результатом автономизации брачности, сексуальности, прокреации, проявляясь в многочисленных тенденциях: появление и распространение сознательной бездетности, сожительств, монородительских семей,

внебрачных рождений (Жизненные миры... 2015), — эти и другие изменения приводят к становлению нового постсовременного исторического типа моногамии (Голод 2003) — супружеского, сконцентрированного вокруг брачной пары, наименее унифицированного и, как следствие, вариативного. Похожие тенденции фиксируются исследователями во многих индустриально развитых странах (The value of children... 2005), формируя «семью-клуб», «семью добрых друзей» (Голод 2003) как модификации постсовременного этапа развития моногамной семьи, позволяющие выстраивать «чистые отношения» (Гидденс 2004: 80). Разделение брака и семьи, супружества и родительства (Гурко 1995) обосновывает значимость их отдельного описания. Множественные, постоянные изменения, связанные в том числе с организацией личности своего приватного пространства, заставляют выделять и анализировать суть, особенности, модели супружества в современном обществе.

Несмотря на общий тренд, главными чертами постсовременного общества и его институтов становятся плюральность, изменчивость, текучесть, отсутствие власти структур, четких «паттернов, кодексов и правил, которым можно подчиняться, которые можно выбрать в качестве устойчивых ориентиров и которыми впоследствии можно руководствоваться... В результате мы имеем индивидуализированную... версию современности...» (Бауман 2008: 13). В данном контексте многообразие, в том числе форм семьи и супружества, становится элементом современной семейной системы, являясь результатом трансформационных процессов институтов семьи и брака.

Сосуществование различных типов семьи, вариативность семейных структур и субинстиуттов, нелинейность развития становятся нормальной, естественной чертой современности. Т. А. Гурко, подчеркивая, что «сегодня... более уместно говорить не о “семье”, в определение которой уже трудно даже в рамках конкретной культуры вложить всевозможные вариации, а о семьях...» (Гурко 1995: 96), настаивает на необходимости учета различных ее вариантов и выработке единой и четкой терминологии (Гурко 2017). С. И. Голод, описывая суть и черты трансформации института российской семьи, обращает внимание именно на плюрализм семейных и брачных моделей как особенность ее современного состояния. «Многообразие организации семейной жизни современного человека — один из элементов сегодняшней семейной системы... 20-й век обнаружил уникальный ландшафт: зафиксированы “следы” патриархального типа... пик детоцентристского

(по крайней мере, в России) и становление супружеского... Вместе с тем вскрыто многообразие действующих моделей в границах того или иного типа семьи... Высветились основания для утверждения, что альтернативные модели... не случайны и, вероятно, еще не до конца себя раскрыли» (Голод 1998: 240–241).

Вариативность института супружества в современной России можно рассмотреть сквозь призму демографических показателей, анализ которых заставляет обратить внимание на ряд моментов:

— во-первых, снижение числа регистрируемых браков в течение второй половины XX столетия и стабилизация показателя в начале XXI века на относительно низком уровне (количество ежегодно заключаемых браков колеблется вокруг 1 млн, не достигая уровня 80-х гг., когда число вступающих в брак составляло 1,4–1,5 млн);

— во-вторых, увеличение возраста вступления в брак, «старение» брачности (во второй половине XX столетия модальной была возрастная группа 18–24 года, в XXI — 25 лет и старше);

— в-третьих, большое число разводов, которое увеличивает на брачном рынке количество разведенных, способствуя распространению повторных отношений;

— в-четвертых, рост числа незарегистрированных союзов (Жизненные миры... 2015: 56–57).

Эти изменения дают возможность выделить, в первую очередь на уровне внешних структур, возможные границы разнообразия современного супружества. Откладывание создания семьи/ранние браки, официальное признание/неинституциональность семьи и супружества, наличие/отсутствие сожительства до регистрации, длительность/неустойчивость, нестабильность брака и, как следствие, «осколочная» семья/возможность повторных отношений — характеристики, которые не всегда возможно описать привычными терминами «брак», «семья». Они затрудняют определение временного «начала»/«конца» отношений/семьи, создают методологические и методические трудности определения/идентификации «семейности».

В этом контексте понятие супружества расширяется, от категории «зарегистрированного брака» до значимых устойчивых отношений. Последние все чаще определяются как «партнерства» (Захаров 2006; Саралиева, Балабанов 2012), которые могут быть дифференцированы с использованием различных критериев: очередности отношений, наличия регистрации, локализации партнеров, их пола.

Партнерства, соответственно, могут существовать в нескольких формах: неформальное партнерство без совместного проживания (основной критерий здесь — самоопределение отношений как значимых); сожительство (совместное проживание партнеров без регистрации отношений); брак (первый или повторный) с совместным проживанием; брак при раздельном проживании (Годвин-брак, гостевой брак, регулярно-раздельный брак) (Егорова 2013: 21).

Данные переписей населения и мониторинговые исследования дают сегодня возможность выделить и статистически описать различные типы партнерств, в первую очередь, гетеросексуальные. Включение в опросные листы вопросов о регистрации брака/отношений, их очередности, времени начала совместного проживания позволили увидеть мозаичную картину современного супружества в России, вариативность его форм. Так, согласно результатам последней микропереписи населения 2015 г., доля проживающих совместно без регистрации составила 12,5% (Федеральная служба государственной статистики). Анализ данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (Российский мониторинг...) говорит о наличии как минимум первых/повторных браков, добрачных/постбрачных сожительств, раздельных браков (Годвин-браков, гостевых браков) в семейных практиках россиян. Сравнение представленности выделенных типов супружеств на протяжении наблюдаемого периода (1998–2017 гг.), свидетельствует о нарастающей вариативности, увеличении числа альтернативных форм (см. табл. 1). Брак как в 1998 году, так и спустя почти 20 лет сохраняет лидирующие позиции. Тем не менее доля зарегистрированных союзов уменьшилась в среднем на 7%, а живущих без регистрации возросла более чем в 1,5 раза (с 10% до 16%), причем как браки, так и сожительства могут быть первыми и повторными. Также очевидно, что есть пары, которые живут раздельно даже при наличии официального оформления отношений, хотя их число статистически не значимо. Стоит отметить, что первый брак остается наиболее распространенной формой супружества, но, судя по данным, почти треть россиян состоят в других типах партнерств. На протяжении последних лет доля последних относительно постоянна, что подчеркивает устойчивость указанной тенденции и требует более подробного описания различных вариантов партнерств, их оценки.

Таблица 1

Формы супружеских союзов, %

Год опроса	Брак		Сожительство		Раздельный брак
	первый	повторный	добрачное	постбрачное	
1998 (n = 4867)	90		10		0
2002 (n = 4532)	85,5		14		0,5
2005 (n = 4063)	86		14		0
2009 (n = 4739)	73	10,5	7	9	0,5
2010 (n = 8487)	72,5	10,5	7	9	1
2015 (n = 6263)	71	12	8	8	1
2017 (n = 6138)	71,5	12	7	9	0,5

Новые формы супружества все чаще становятся объектом отечественных исследований, хотя пока они немногочисленны. Анализ ситуаций сожительствующих подчеркивает неоднородность феномена («сожители поневоле», «пробное супружество», альтернатива семье, сожительство на последетном этапе) и, как следствие, разнообразие причин, ведущих к сожительству (Михеева 2001; 2012). Авторами ставится задача понять, как консенсуальные союзы воспринимаются населением (Вовк 2005; Богданова, Щукина 2003), в том числе представителями различных социальных групп (Исупова 2015), делается попытка оценить место таких союзов в семейной системе, их функциональность в сравнении с браком (Синельников 2018), рассматривается значение сожительства в семейных стратегиях и практиках молодых (Шпаковская 2012; Егорова 2016). Повторные союзы исследуются реже и, скорее, в контексте вариативности родительства, чем супружества (Гурко, Орлова 2011). Социально-демографические и другие характеристики представителей различных семейных групп, их сравнение пока, в основном, — предмет зарубежных исследований, которыми фиксируется разница в социальных статусах имеющих детей сожителей и состоящих в браке, в распределении семейных функций бездетных представителей указанных групп (Kiernan, Estaugh 1993), выявляется также влияние типа семьи на благополучие ребенка (Manning 2015).

В рамках данной статьи попытаемся частично заполнить существующий пробел и сравнить демографические и социальные характеристики представителей двух основных семейных групп: состоящих в браке и живущих без регистрации семейных отношений.

Эмпирическая база исследования и методика анализа

В качестве эмпирической основы исследования используются данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE), проводимого с 1994 г. по настоящее время. В рамках данной статьи анализировались, во-первых, репрезентативные базы (индивидуальные опросы) для описания основных характеристик сожительства и брака как форм семьи и супружества (распространенности, количества детей, продолжительности отношений), начиная с 1998 г., когда в вопрос о семейном положении был включен вариант ответа о регистрации брака. Во-вторых, нерепрезентативные базы (индивидуальные опросы) для целевого сравнения социально-демографических характеристик представителей указанных семейных групп и проведения дискриминантного анализа. Последние используемые данные собраны в 2017 г. В ряде случаев учитывались только данные более поздних опросов, что связано с отсутствием интересующих нас вопросов в ранних версиях индивидуальных опросников. Вопросы о наличии детей, их количестве были включены в опросные листы с 2004 г., об очередности союза и времени начала совместного проживания пары — с 2009 г. Данные обработаны с помощью пакета IBM SPSS Statistics (V21). Для возможности анализа и описания объекта исследования по интересующим нас параметрам были созданы новые переменные: наличие регистрации супружества (сожительство/брак), тип супружества (первый брак/повторный брак/добрачное сожительство/постбрачное сожительство), наличие сожительства до брака, продолжительность совместного проживания в сожительстве/до брака/ в браке, количество лет, потраченных на образование, наличие работы, количество рабочих часов в неделю) и др.

Результаты исследования: описание основных типов супружеств

Как уже отмечалось, сожительство становится сегодня достаточно распространенным явлением, а зарегистрированное и незарегистрированное партнерства (гетеросексуальные) — базовыми типами супружества.

Официальной регистрации все чаще предшествует период совместного проживания пары без оформления отношений, фактически сожительство становится для большинства россиян необходимым этапом формирования семьи, так называемым пробным браком (см. табл. 2). Так, по данным 26-й волны (2017 г.), доля сожительствовавших до

регистрации брака в 70–80-х гг. прошлого века была минимальна и в среднем составляла около 15%, во втором десятилетии XXI столетия ситуация сменилась на диаметрально противоположную: только 28% респондентов вступили в брак сразу, не проверяя отношения на прочность в рамках сожительства. Расчеты в рамках других волн опросов (Егорова, Воронин 2017) подтверждают наличие и укоренение указанной добрачной практики: сожительство встраивается в процесс ухаживания/выбора партнера, становясь этапом семейного жизненного цикла.

Таблица 2

Наличие/отсутствие сожительства до брака (с учетом года вступления в брак), %

Год заключения брака	Не жили вместе до брака	Продолжительность сожительства, лет				
		меньше года	от 1 до 3 лет	от 3 до 5 лет	от 5 до 10 лет	от 10 лет и больше
1969 и ранее	86	9	4	1	–	–
1970–1979	84	12	4	–	–	–
1980–1989	77	14	5	2	1	1
1990–1999	62	18	14	4	1	1
2000–2009	38	24	22	7	4	5
2010–2017	28	27	23	10	5	7
Всего	59	18	13	5	2	3

Разница статистически значима с использованием критерия chi-квадрат при $p < 0{,}001$.

О том, что сожительство в России, видимо, чаще пробный вариант, предшествующий как первому, так и повторному бракам, подтверждает сравнение базовых характеристик основных типов супружеств: возраста, продолжительности отношений, числа детей (см. табл. 3). Сожители моложе состоящих в браке в среднем на 7 лет, средний возраст состоящих в браке колеблется в пределах 46–49 лет, тогда как сожителей — находится в интервале 39–42 года. Разница в возрасте между представителями этих семейных групп остается значимой также с учетом пола респондентов, при этом мужчины, состоящие в отношениях, в среднем на 2–3 года старше женщин. С точки зрения количества детей, брак — более перспективный вариант супружества: средний показатель представителей этой группы 1,7 детей, тогда как сожителей — только 1,2 ребенка. Сравнение продолжительности, а значит, устойчивости отношений также не в пользу незарегистрированных союзов: браки всегда старше сожительств, в среднем, на 14 лет.

Таблица 3

Основные характеристики состоящих в браке и сожителей

	1998	2002	2006	2010	2014	2017
Средний возраст сожителей и состоящих в браке, лет						
Брак	46	47	48	47	49	50
Сожительство	40	41	41	40	42	44
Среднее количество детей						
Брак	–	–	1,7	1,7	1,7	1,7
Сожительство	–	–	1,2	1,1	1,2	1,2
Продолжительность отношений, лет						
Брак	–	–	–	22	24	24,5
Сожительство	–	–	–	8,5	9	10,5

Ситуация не меняется и при сопоставлении союзов различной очередности. Состоящие в первом/повторном браках старше своих коллег по очередности отношений в сожительствах, их союзы более продолжительны, они имеют бóльшее количество детей (табл. 4).

Таблица 4

Общие характеристики состоящих в супружествах различных типов (RLMS, 2017)

Форма супружества		Средний возраст, лет	Количество детей, среднее	Продолжительность отношений, лет
Брак	первый	49	1,7	25
	повторный	52	1,85	16,5
Сожительство	добрачное	33	0,6	7
	постбрачное	51	1,65	13

Тем не менее относительно высокая средняя продолжительность совместного проживания в сожительствах, 9 лет с учетом опросов разных лет (2009–2017 гг.), а также наличие у сожителей (в том числе никогда не состоящих в браке) детей, говорит о том, что данный тип супружества стоит рассматривать не только как пробный вариант отношений, но и как альтернативу семье, в рамках которой возможно выполнение основных семейных функций — рождения и социализации детей.

Правда, здесь необходимо еще раз отметить, что детей в сожительствах меньше, чем в браках, а значит, последние — более удобны и приемлемы для реализации репродуктивных установок и потребностей.

Брак и сожительство: сравнение социальных характеристик

Разница между сожителями и состоящими в браке фиксируется и при сравнении других, социальных характеристик. Для сравнения основных парламентов, связанных с социальным статусом респондентов, использовались нерепрезентативные базы данных, из которых целенаправленно были отобраны мужчины/женщины, состоящие в браке или живущие вместе без регистрации, это значительно увеличило число наблюдений и позволило сравнивать различные семейные группы с учетом брачного статуса респондентов (никогда не состоящие в браке/разведенные, вдовые), наличия детей. В качестве показателей, определяющих социальное положение представителей семейных групп, учитывались доход, уровень образования, принадлежность к тем или иным профессиональным группам, место проживания, наличие работы за весь период наблюдений (1998–2017 гг.), при наличии возможности (наличии соответствующих переменных) сравнивались различные группы сожителей и состоящих в браке (добрачные/постбрачные, с детьми/без детей).

Сравнение основных показателей на протяжении всех лет мониторинга дает схожие результаты: сожители чаще, чем состоящие в браке принадлежат к низкостатусным социальным группам. Однако это не означает, что сожители не могут иметь высокого дохода, образования, профессионального статуса, а некоторые семейные группы, например бездетные, вполне сопоставимы по социальным характеристикам.

Средний доход сожителей в целом ниже, чем состоящих в браке, хотя не всегда эта разница предполагает большие разрывы. Так, согласно данным 2017 г., сравнение доходов в целом состоящих в браке и сожителей не фиксирует большой разницы, средний доход составляет 23 тыс. и 22 тыс. руб. соответственно, хотя она определяется как статистически значимая, в 95% случаев разница находится в пределах положительных значений, следовательно, доход состоящих в браке выше (см. табл. 5). За два десятилетия ситуация существенно не изменилась, состоящие в браке были и остаются чуть благополучнее/богаче

сожителей. Последние волны мониторинга позволяют проводить более детальные сравнения, и в отдельных случаях разница в доходах становится существенной. Так, например, согласно данным 2017 г., средние доходы бездетных групп статистически значимо не отличаются, тогда как разница в доходах воспитывающих детей сожителей и состоящих в браке заметна и значима. В 95% случаях расхождения в средних находятся в пределах от 700 руб. до 2,7 тыс. руб. при средних доходах 21 и 23 тыс. руб. соответственно.

Оценка уровня образования дает похожую картину. Сожители, как правило, — представители групп с невысоким уровнем образования, это касается всех сравниваемых подгрупп за весь период наблюдений. Так, анализ данных 2017 г. показывает, что большинство респондентов, состоящих в браке (58%), имеют профессиональное образование (среднее специальное или высшее), среди сожителей таких 47%, а каждый 3-й группы «в браке» против каждого 5-го «в сожительстве» имеют законченное высшее образование. Образование бездетных групп выше, чем всех остальных, но разница между состоящими в браке и сожителями сохраняется не в пользу последних. Группой с самым низким уровнем образования оказываются сожители, воспитывающие детей. Более чем у половины из них (57%) нет профессионального образования, а значит, меньше возможностей для получения более высокого дохода, значительно меньшее число респондентов (42%) в группе состоящих в браке находятся в таком же положении. Каждый 6-й, состоящий в сожительстве и имеющий детей, против каждого 9-го в браке имеет незаконченное среднее образование, а 40% против 32% имеют только школьное образование.

Вместе с более низким уровнем образованием сожители, воспитывающие детей, обладают и более низким профессиональным статусом. Разница остается статистически значимой для указанных групп за весь период наблюдений, где возможно сопоставление (2006–2017 гг.). Среди них почти на треть меньше (38% против 27%) специалистов высшего и среднего уровней и почти в два раза больше (5% против 9%) неквалифицированных рабочих. Если среди родителей, состоящих в браке, — в группе последних почти каждый 20-й (5%), то среди родителей без регистрации супружества — почти каждый 11-й (9%). В то же время почти половина (45%) родителей, состоящих в браке, относятся к статусным группам (крупные чиновники, руководители/специалисты высшего и среднего звена) и только треть (33%) сожителей. В бездетных группах статистически значимой разницы не фиксируется (см. табл. 5).

Таблица 5

Социальные характеристики состоящих в браке и сожителей (с учетом наличия детей), 2017 г.

	Всего		Есть дети		Нет детей	
	брак	сожит-во	брак	сожит-во	брак	сожит-во
Доход, средний, тыс.	23*	22*	23*	21*	25	24
Уровень образования**						
Незаконченное среднее	10	17	11	17	10	18
Среднее общее	31	36	31	40	24	27
Среднее специальное	26	25	25	24	26	29
Высшее	33	22	33	19	40	26
Профессиональные статусы (группы,%)***						
Крупные чиновники, руководители высшего и среднего звена	7	6	7	6	5	4
Специалисты высшего и среднего уровня	39	30	38	27	43	35
Служащие и работники торговли и услуг	20	27	21	27	20	26
Квалифицированные работники различных отраслей	28	29	28	31	25	27
Неквалифицированные работники различных отраслей	5	8	5	9	6	8

* разница статистически значима с использованием *t*-критерия для независимых выборок при $p < 0{,}001$;

** разница статистически значима с использованием критерия chi-квадрат при $p < 0{,}000$;

*** разница статистически значима для групп «сожительство»/«брак», «сожительство»/«брак» с детьми с использованием критерия chi-квадрат при $p < 0{,}000$.

Сожители логично чаще оказываются среди тех, кто остался без работы. Но статистически значимая разница фиксируется не всеми годами опросов. Так, в 2017 г. безработных оказывается больше уже среди состоящих в браке (35% в браке против 30% в сожительстве), в первую очередь, за счет бездетных групп, показатели работающих у сожителей там самые высокие (77%).

И сожительства, и браки пропорционально распределены по областным центрам, городам, пгт, селам. Статистически значимой разницы по этому показателю чаще всего нет. Стоит, правда, заметить,

что, согласно последним данным (2017 г.), в подгруппе бездетных в областных центрах сожителей несколько больше, чем состоящих в браке (59% против 50%).

Значимость социально-демографических характеристик при определении типа супружества подтвердилась и результатами дискриминантного анализа, проведенного на данных RLMS 2015 г. В число независимых переменных были включены: возраст респондента (*a*), наличие работы (*b*), место проживания (*c*), законченное образования (*d*), доход (*e*), количество детей (*f*), количество лет, потраченных на образование (*g*), продолжительность отношений (*h*). Все заявленные переменные вошли в итоговое уравнение:

$$F = -0{,}078\,a + 0{,}208\,b + 0{,}104\,c + 0{,}208\,d + 0{,}0000043199\,e + \\ + 0{,}408\,f + 0{,}039\,g + 0{,}010\,h - 1{,}411,$$

полученная функция объяснила классификацию 77% наблюдений (в анализ были включены 7976 наблюдений: из них 6488 относится к состоящим в браке, 1488 — к сожителям). С учетом показателя функции в центроидах групп, сожителями скорее окажутся те, у кого значение после подсчетов согласно уравнению будет меньше –0,45402, состоящими в браке — наоборот. Положительные коэффициенты, связанные с большинством параметров, означают, что наличие работы, более высокий уровень образования, большее количество детей, высокий уровень дохода, большая продолжительность отношений и т. д. являются показателями человека, состоящего в браке. Низкие же показатели, в том числе социального статуса, будут связаны с сожительством.

Выводы

Статистические данные и результаты выборочных исследований убедительно показывают, что супружество в современной России вариативно, а стремление к разнообразию — устойчивая тенденция последних десятилетий. Уже сегодня его формы возможно дифференцировать как минимум по критериям регистрации отношений, их очередности, предшествующего брачного статуса, рассматривая в качестве полноценных типов браки (первые и повторные) и сожительства (добрачные и постбрачные). Каждый из указанных вариантов может быть ориентирован на выполнение базовых семейных функций — рождение и воспитание детей.

Тем не менее вариативность супружества проявляется не только в выделении указанных типов, новые формы также весьма

неоднородны, и сожительства, например, могут отличаться друг от друга гораздо сильнее, чем от брака. Так, при сопоставлении социально-демографических характеристик, разница между браками и сожительствами гораздо ярче проявляется в семейных группах, где есть дети, и мало заметна в бездетных подгруппах. Это может означать, что помимо селективной функции, с выполнением которой, как правило, связывают пробный брак, для определенных социальных групп (низкостатусных) сожительство может выполнять функцию адаптации к сложным социально-экономическим условиям.

Источники

Антонов А. И. Семья — какая она и куда движется? // Семья в России. 1999. № 1–2. С. 31–40.

Антонов А. И. Институциональный кризис семьи и семейно-демографических структур в контексте социальных изменений и социального неравенства // Семья и социально-демографические исследования [Электронный журнал]. 2014. Апрель. URL https://riss.ru/demography/demography-science-journal/5273 (дата обращения: 05.05.2019).

Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

Богданова Л. П., Щукина А. С. Гражданский брак в современной демографической ситуации // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 100–104.

Вовк Е. Незарегистрированные интимные союзы: «разновидности» брака или «альтернативы» ему? [Электронный ресурс] // Социальная реальность. 2005. № 1. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/journ_socrea/number_1_05/gur050103 (дата обращения: 05.05.2019).

Волков А. Г. Почему изменилась российская семья // Семья в России. 1999. № 1–2. С. 40–53.

Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004. 208 с.

Голод, С. И. Моногамная семья: кризис или эволюция? // Социально-политический журнал. 1995. № 9. С .74–87.

Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998. 272 с.

Голод С. И. Перспективы моногамной семьи: сравнительный межкультурный анализ // Журн. социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI, № 2. С. 106–119.

Голофаст В. Б. Социология семьи: статьи разных лет / под ред. О. Б. Божкова. СПб.: «Алетейя», 2006. 432 с.

Гурко Т. А. Трансформация института современной семьи // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 95–99.

Гурко Т. А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 99–110.

Гурко Т. А., Орлова Н. А. Развитие личности подростков в различных типах семей // Социологические исследования. 2011. № 10. С. 99–108.

Егорова Н. Ю. Современная российская семья: основные тенденции / Н. Ю. Егорова, А. В. Курамшев // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 4. С. 106–118.

Егорова Н. Ю. Современное супружество: модели отношений // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2013. Вып. № 4 (32). С. 20–26.

Егорова Н. Ю. Сожительство в брачных стратегиях молодых: восприятие и практики // Женщина в российском обществе. 2016. № 2 (79). С. 12–21.

Егорова Н. Ю., Воронин Г. Л. Модель определения формы супружества: социально-демографические факторы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2017. Вып. 3 (47). С. 71–78.

Елисеева И. И., Клецин А. А. Городская семья в России: современные тенденции // Петербургская социология сегодня. 2010. С. 127–146.

Жизненные миры современной российской семьи: Монография / З. Х. Саралиева, В. А. Блонин, Н. Ю. Егорова [и др.]. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2015. 264 с.

Захаров С. Новейшие тенденции формирования семьи в России. Расширяющиеся границы брака [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2006. № 237–238, март. URL: http://demoscope.ru/weekly/2006/0237/tema02.php (дата обращения: 05.05.2019).

Исупова О. Российские консенсуальные союзы XXI века // Мониторинг общественного мнения. 2015. 2 (126), март-апрель. С. 153–164.

Михеева А. Р. Брак, семья, родительство: социологические и демографические аспекты: Учеб. пособие. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2001. 74 с.

Михеева А. Р. Человек в сфере частной жизни: векторы трансформации семейных отношений. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2012. 156 с.

Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом — Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН [Электронный ресурс]. URL: http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms; http://www.hse.ru/rlms (дата обращения: 05.05.2019).

Саралиева З. Х., Балабанов С. С. Партнерские отношения в больном городе // Вестник ННГУ. 2012. № 1. С. 84–89.

Синельников А. Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. 2018. Т. 24, № 1. С. 95–113.

Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. URL: http://www.gks.ru (дата обращения: 05.05.2019).

Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979. 367 с.

Шпаковская Л. Л. Незарегистрированные союзы: брачные стратегии молодых представителей городского среднего класса // Женщина в российском обществе. 2012. № 1. С. 3–16.

Kiernan K. E., Estaugh V. Cohabitation: Extra-marital Childbearing and Social Policy. London: Family Policy Studies Centre, Occasional Paper 17, 1993. 72 p.

Manning W. D. Cohabitation and Child Wellbeing // Marriage and Child Wellbeing Revisited. 2015. Vol. 25, No. 2. P. 51–88.

The value of children in cross-cultural perspective. Case studies in eight societies / Ed. by G. Trommsdorf, B. Nauck. Konstanz; Chemnitz, 2005. 288 p.

References

Antonov A. I. Institutsional'nyy krizis sem'i i semeyno-demograficheskih struktur v kontekste sotsial'nyh izmeneniy i sotsial'nogo neravenstva [The institutional crisis of the family and family and demographic structures in the context of social change and social inequality]. *Sem'ya i sotsial'no-demograficheskie issledovaniya* [*Family and Social Demographic Studies*], 2014, April, URL https://riss.ru/demography/demography-science-journal/5273 (access date: 05.05.2019). (In Russian)

Antonov A. I. Sem'ya — kakaya ona i kuda dvizhetsya? [Family — what is it and where is it going?] *Sem'ya v Rossii* [*Family in Russia*], 1999, no. 1–2, pp. 31–40. (In Russian)

Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'* [*Flowing Modernity*]. Transl. by ed. Yu. V. Asochakov. Saint Petersburg, Piter, 2008, 240 p. (In Russian)

Bogdanova L. P., Shchukina A. S. Grazhdanskiy brak v sovremennoy demograficheskoy situatsii [Civil marriage in the modern demographic situation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [*Sociological Studies*], 2003, no. 7, pp. 100–104. (In Russian)

Egorova N. Yu., Kuramshev A. V. Sovremennaya rossiyskaya sem'ya: osnovnye tendentsii [Modern Russian family: main trends]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [*Sociological Studies*]. 2008, no. 4, pp. 106–118. (In Russian)

Egorova N. Yu. Sovremennoe supruzhestvo: modeli otnosheniy [Modern marriage: models of relations]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya Sotsial'nye nauki* [*Bulletin of Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky. Series Social Sciences*], 2013, iss. 4 (32), pp. 20–26. (In Russian)

Egorova N. Yu. Sozhitel'stvo v brachnyh strategiyah molodyh: vospriyatie i praktiki [Cohabitation in the marital strategies of the young: perception and practices]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [*Woman in Russian society*], 2016, no. 2 (79), pp. 12–21. (In Russian)

Egorova N. Yu., Voronin G. L. Model' opredeleniya formy supruzhestva: sotsial'no-demograficheskie faktory [Model of marriage form selection: socio-demographic factors]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya Sotsial'nye nauki*, 2017 [*Bulletin of Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky. Series Social Sciences*], Iss. 3 (47), pp. 71–78. (In Russian)

Eliseeva I. I., Kleotsyn A. A. Gorodskaya sem'ya v Rossii: sovremennye tendencii [Urban Family in Russia: Current Trends]. *Peterburgskaya sociologiya segodnya* [*Petersburg Sociology Today*], 2010, pp. 127–146. (In Russian)

Federal State Statistics Service. Official web site. URL: http://www.gks.ru (access date: 05.05.2019). (In Russian)

Giddens E. *Transformatsiya intimnosti. Seksual'nost', lyubov' i erotizm v sovremennyh obshchestvah* [*The transformation of intimacy. Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies*]. Saint Petersburg, Piter, 2004, 208 p. (In Russian)

Golod S. I. Monogamnaya sem'ya: krizis ili evolyutsiya? [The monogamous family: crisis or evolution?] *Sotsial'no-politicheskiy zhurnal* [*Social political journal*], 1995, no. 9, pp. 74–87. (In Russian)

Golod S. I. Perspektivy monogamnoy sem'i: sravnitel'nyy mezhkul'turnyy analiz [Prospects for a monogamous family: a comparative intercultural analysis]. *Zhurn. sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [*Journal of Sociology and Social Anthropology*], 2003, vol. VI, no. 2, pp. 106–119. (In Russian)

Golod S. I. *Sem'ya i brak: istoriko-sotsiologicheskiy analiz* [*Sociological and demographic analysis of the state and evolution of the family*]. Saint Petersburg, Petropolis, 1998, 272 p. (In Russian)

Golofast V. B. *Sotsiologiya sem'i: stat'i raznyh let* [*Sociology of the family: articles of different years*]. Ed. by O. B. Bozhkov. Saint Petersburg, Aleteyya, 2006, 432 p. (In Russian)

Gurko T. A. Novye semeynye formy: tendentsii rasprostraneniya i ponyatiya [New family forms: distribution trends and concepts]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [*Sociological Studies*], 2017, no. 11, p. 99–110. (In Russian)

Gurko T. A. Transformatsiya instituta sovremennoy sem'i [Transformation of the Institute of the Modern Family]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [*Sociological Studies*], 1995, no. 10, pp. 95–99. (In Russian)

Gurko T. A., Orlova N. A. Razvitie lichnosti podrostkov v razlichnyh tipah semey [The development of the personality of adolescents in various types of families]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [*Sociological Studies*], 2011, no. 10, pp. 99–108. (In Russian)

Harchev A. G. *Brak i sem'ya v SSSR* [*Marriage and family in the USSR*]. Moscow, Mysl, 1979, 367 p. (In Russian)

Isupova O. Rossiyskie konsensual'nye soyuzy XXI veka [Russian consensual unions of the XXI century]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [*Public opinion monitoring*], 2015, 2 (126), March-April, p. 153–164. (In Russian)

Kiernan K. E., Estaugh V. *Cohabitation: Extra-marital Childbearing and Social Policy*. London, Family Policy Studies Centre, Occasional Paper 17, 1993. 72 p.

Manning W. D. Cohabitation and Child Wellbeing. *Marriage and Child Wellbeing Revisited*, 2015, vol. 25, no. 2, pp. 51–88.

Miheeva A. R. *Brak, sem'ya, roditel'stvo: sotsiologicheskie i demograficheskie aspekty: Ucheb. posobie* [*Marriage, family, parenthood: sociological and demographic aspects. A textbook*]. Novosibirsk State University, 2001, 74 p. (In Russian)

Miheeva A. R. *Chelovek v sfere chastnoy zhizni: vektory transformatsii semeynyh otnosheniy* [*Man in the private sphere: vectors of family relations transformation*]. Novosibirsk, IEIE of RAS, Siberian Branch, 2012, 156 p. (In Russian)

Rossiyskiy monitoring ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU-VSHE (RLMS-HSE), provodimyy Natsional'nym issledovatel'skim universitetom — Vysshey shkoloy ekonomiki i ZAO «Demoskop» pri uchastii TSentra narodonaseleniya Universiteta Severnoy Karoliny v Chapel Hille i Instituta sotsiologii RAN [*Russian monitoring of the economic situation and public health HSE (RLMS-HSE), conducted by the National Research University — Higher School of Economics and ZAO Demoscope with the participation of University of North Carolina Population Center at Chapel Hill and Institute of Sociology RAS*]. URL: http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms i http://www.hse.ru/rlms (access date: 05.05.2019). (In Russian)

Saralieva Z. H., Balabanov S. S. Partnerskie otnosheniya v bol'nom gorode [Partnerships in a big city]. *Vestnik NNGU*, 2012, no. 1, pp. 84–89. (In Russian)

Shpakovskaya L. L. Nezaregistrirovannye soyuzy: brachnye strategii molodyh predstaviteley gorodskogo srednego klassa [Unregistered unions: marital strategies of young of the urban middle class]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, 2012, no. 1, pp. 3–16. (In Russian)

Sinel'nikov A. B. Sem'ya i brak: krizis ili modernizatsiya? [Family and marriage: crisis or modernization?] *Sotsiologicheskiy zhurnal* [*Sociological Journal*], 2018, vol. 24, no. 1, pp. 95–113. (In Russian)

The value of children in cross-cultural perspective. Case studies in eight societies. Ed. by G. Trommsdorf, B. Nauck. Konstanz, Chemnitz, 2005, 288 p.

Volkov A. G. Pochemu izmenilas' rossiyskaya sem'ya [Why has the Russian family changed]. *Sem'ya v Rossii* [*Family in Russia*], 1999, no. 1–2, pp. 40–53. (In Russian)

Vovk E. Nezaregistrirovannye intimnye soyuzy: "raznovidnosti" braka ili "al'ternativy" emu? [Unregistered intimate unions: "varieties" of marriage or "alternatives" to it?] *Sotsial'naya real'nost'* [*Social Real*], 2005, no. 1, URL: http://bd.fom.ru/report/cat/journ_socrea/number_1_05/gur050103 (access date: 05.05.2019). (In Russian)

Zaharov S. Noveyshie tendentsii formirovaniya sem'i v Rossii. Rasshiryayushchiesya granitsy braka [The newest trends in the formation of family in Russia. Expanding boundaries of marriage]. *Demoscope Weekly*, 2006, no. 237–238, March, URL: http://demoscope.ru/weekly/2006/0237/tema02.php (access date: 05.05.2019). (In Russian)

Zhiznennye miry sovremennoy rossiyskoy sem'i: Monografiya [*The life worlds of modern family*]. Z. H. Saralieva, V. A. Blonin, N. Yu. Egorova et al. Nizhniy Novgorod, NNGU Publ. house, 2015, 264 p. (In Russian)

Егорова Надежда Юрьевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского.

Egorova Nadezhda Yu., Ph. D. in Sociology, Associate Professor, Department of General sociology and social work, Faculty of social sciences, Nizhny Novgorod State University Named after N. I. Lobachervsky (National Research University).

nadegorova@yandex.ru